

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323+321+34

А.Д. Жилкин

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ 1992 г.

Исследуется второй из трех этапов становления конституционализма в России в 1990–1993 гг. в рамках предложенной автором периодизации. Изучаются связи и проводятся параллели между конституционным творчеством и экономическими реформами. В обоих случаях речь идет об импортировании сторонниками преобразований западных моделей, которые уже к концу 1992 г. обнаружили свою несостоятельность на российской почве. Это стало одной из причин масштабного кризиса в стране.

Ключевые слова: Конституция России; Основной закон; Конституционная комиссия; Президент России; Парламент; Съезд народных депутатов; реформы.

В данной статье рассматривается второй из трех этапов становления российского конституционализма в начале 1990-х гг. Он охватывает 1992 г. Первый (июнь 1990 г. – декабрь 1991 г.) был связан с началом независимой политики России и государственного строительства в период существования СССР, третий (1993 г.) – определяется возникшим из-за конфликта Президента и Парламента острым кризисом двоевластия и его преодолением. В 1992 г. Россия входила в качестве независимого государства, а его руководство получило возможность самостоятельно определять вектор преобразований, действуя уже без оглядки на союзный Центр. При этом страна стояла перед целым рядом серьезных вызовов, в числе которых были необходимость серьезных реформ в экономике, стремительное падение уровня жизни населения, личные конфликты лидеров, новое позиционирование на международной арене, выстраивание отношений с бывшими союзными республиками, рост сепаратизма и угроза распада государства по аналогии с СССР и др.

Этот период стал временем эксперимента по внедрению в России, выражаясь языком немецкого социолога К. Оффе, импортированного образа будущего. Привлекательность последнего во многом объясняется тем, что он предлагался Западом «в пакете» с обещаниями различной помощи, включая финансовую [1]. Зарубежные исследователи, описывая трансформационные процессы в посткоммунистических обществах, метко назвали их «перестройкой корабля в открытом море» [2. С. 27]. Ряд современных специалистов предпринимали попытки концептуализации постсоветского периода в общем русле различных так называемых транзитологических теорий, возникших на Западе. Их авторы занимаются выявлением общей логики переходов от авторитаризма к демократии, происходивших в разных странах мира в последние десятилетия XX в. Пытаются вписать в эту парадигму и Россию, пусть и с оговорками, признавая специфику самого транзита, особенности власти и пр. [3].

Однако и в 1990-х гг., и тем более позднее известные зарубежные исследователи писали о неуниверсальности западного пути и ценностей и не ставили знак равенства между модернизацией и вестернизацией. С. Хантингтон говорил о конце эры доминирования Запада и стремлении незападных стран вернуться

к своим традиционным ценностям [4. С. 132–135]. Ф. Фукуяма, в 1990-х утверждавший о конце истории в смысле победы и установления в мире либерализма, в 2000-х гг. признавал его несоответствие новым вызовам и подчеркивал необходимость сильного государства. Э. Саид в 1994 г. отмечал, что, несмотря на распад СССР и обретение странами Восточной Европы политической независимости, схемы власти и господства по-прежнему сохраняли актуальность. Он обратил внимание на набиравшие в начале 1990-х гг. на Западе популярность идеи реколонизации стран третьего мира, называемых также Глобальным Югом, посредством системы навязываемой опеки, а также откровенно миссионерский внешнеполитический курс США, «особенно в России и бывших советских республиках» [5. С. 535–537]. А. Пшеворский также сравнивает Восточную Европу с Югом, который в его понимании ассоциируется с экономической отсталостью и местом на периферии капиталистической системы [6. С. 298–300].

Отечественные радикальные реформаторы изучали опыт преобразований в Восточной Европе и во многом пытались на него ориентироваться, тем самым предопределяя в будущем незавидное место нашей страны в складывавшемся после холодной войны мировом порядке. Одно из расхожих заблуждений иллюстрировала фраза, что Россия та же Польша, только большая, и призывы проводить реформы по образцу Варшавы [7. С. 54]. Однако даже перечисление наиболее заметных особенностей России, среди которых многонациональный характер государства (в отличие от практически мононациональной Польши), неразвитость института собственности, традиционный патернализм власти, географическое положение в центре Евразии, огромная площадь и богатые природных ресурсы, суровый климат на большей части территории, наличие крупного производства, особое место в структуре экономики ВПК и пр., – говорит о неправомерности сравнения ее со странами Восточной Европы и Латинской Америки, при всем уважении к ним.

Ряд исследователей, в том числе зарубежных, отмечали, что в нашу страну пытались импортировать далеко не самые передовые и признаваемые на Западе концепции, причем как в экономике, так и конститу-

ционном праве. Так, С. Коэн критически оценивает попытки американских ученых применить к изучению постсоветского периода России теорию транзита, обретшую своих сторонников и среди отечественных ученых. По его мнению, итогом применения этого подхода стало «россиеведение без России». А шоковых терапевтов он называет «второсортными экономистами из первосортных университетов» [8. С. 59, 61]. Дж. Кьеза считает, что подобные эксперты олицетворяли не доминировавшие на Западе теории, опиравшиеся на либерализм и правовое государство, а являлись «антигосударственными фундаменталистами», «партизанами ультралиберализации», представляя авторитарные тенденции американского неолитерализма [9. С. 67–70].

Похожие оценки звучат и в отношении конституционного творчества. Так, по мнению профессора Ю.А. Тихомирова, написавшего в советское время статью по базовой для либерализма теме разделения властей и получившего, по его собственному признанию, за нее даже какой-то приз, само по себе это понятие устарело еще тогда. Тем не менее именно его политические акторы пытались заложить в фундамент Основного закона РФ и оперируют им по сей день. В целом специалист считает, что отечественные юристы «слишком быстро склонили голову перед западными концепциями» [10]. Немецкий исследователь А. Нуссбергер весь период конституционной реформы в России конца 1980-х – начала 1990-х гг. называет «конституционной шоковой терапией» и признает, что она не сработала [11].

С учетом подобных оценок представляется актуальным сегодня обратиться к первому постсоветскому году России и постараться оценить его значение для российского конституционализма. Тем более, что уже к его окончанию отчетливо проявились результаты проводившихся в стране экспериментов по внедрению импортированного зарубежного опыта. И хотя их объектом выступала прежде всего экономика, затрагивали они и другие области, в том числе конституционное творчество. Эти две сферы шли бок о бок с самого начала преобразований в России. Так, еще на состоявшемся в 1990 г. I Съезде народных депутатов РСФСР (далее – СНД, Съезд) в качестве одного из мотивов разработки нового Основного закона республики указывалось, что действовавшая на тот момент Конституция РСФСР 1978 г. основывалась на принципах, препятствующих проведению актуальной экономической политики [12].

Обратимся к хронологии ключевых событий и логике акторов. Напомним, еще осенью 1991 г. Б.Н. Ельцин принял решение сосредоточить усилия на экономических реформах [13. С. 203], доверив их команде под руководством молодого ученого Е.Т. Гайдара, возглавил Правительство, дабы своим авторитетом прикрыть его членов от ожидаемой критики, а также получил 1 ноября на V СНД сроком на один год чрезвычайные полномочия, которые позволяли ему издавать указы, имеющие силу закона в области экономической реформы. Впоследствии это привело к развитию такого феномена как «указное право». Собранная в Правительстве команда получила название

«младореформаторы» и объединила молодых экономистов-либералов.

2 января 1992 г. был дан официальный старт реформам, проводившимся по рецептам МВФ и получившим название «шоковой терапии». По словам самого Б.Н. Ельцина, а также знаковых фигур этого процесса (Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса и др.), выбор программы преобразований, во-первых, был продиктован преобладанием негативной мотивации, направленной прежде всего на слом прежней, социалистической, системы и исключение всякой возможности возвращения к ней [14. С. 10; 15. С. 312–313; 16. С. 18–19; 17. С. 169]. Во многом с этим была связана вторая особенность – спешка, желание преодолеть переходный период как можно быстрее [13. С. 185]. Шокотерапевты опирались на зарубежных теоретиков, утверждавших, что продолжительность существования демократических институтов во многом зависит от успехов в экономике, а глубокие реформы могут быть развернуты только после достижения финансовой стабилизации [6. С. 52]. Требование последней было также условием предоставления помощи Запада и, в частности, МВФ. В-третьих, стремление повернуть экономику «на западный путь развития» представлялось как единственно возможный вариант [14. С. 39]. Что касается опыта реформ Китая, предполагавших плавный переход к рынку, то и Е.Т. Гайдар, и А.Б. Чубайс утверждали, что возможность безболезненного применения его к тому моменту уже была упущена [14. С. 39; 15. С. 24–25]. Приоритет американской модели с сильно ограниченной ролью государства был предопределен слабостью последнего к началу реформ. По словам А.Б. Чубайса, уже к концу 1991 г. в республике происходило растаскивание государственной собственности и шла стихийная приватизация, от которой государство не получало ничего [15. С. 28–29]. Отметим, что и в конституционном строительстве до середины 1993 г. во многом ориентировались на импорт опыта США [18].

Выбор модели приватизации, оставившей за бортом большую часть населения, был продиктован убеждением реформаторов в том, что 80–90% населения функции активного собственника противопоказаны [15. С. 353]. По мнению Б.Н. Ельцина, собственность следовало продать тем, у кого есть деньги, так как обновление производства требовало значительных средств, а таких людей тогда было немного. Кроме того, ему как политику было удобнее иметь дело с меньшим количеством хозяев [17. С. 169–170]. В дальнейшем, как известно, это породило олигархов, со временем начавших претендовать на определение вектора развития государства в личных интересах.

Среди критиков младореформаторов были не только коммунисты и патриоты-державники, но и представители промышленников во главе с А.А. Вольским, а также молодые депутаты из фракции «Смена – Новая политика» и др. Признавая необходимость реформ, они возражали относительно способов их проведения. В частности, критиковали перспективу деиндустриализации страны и ее латиноамериканизации, перекося в сторону макроэкономики, пренебрежение вопросами продовольственной и тех-

нологической безопасности и зависимость от импорта, высказывались предложения по поводу минимизации социальных потерь, восстановления системы государственного регулирования экономики, особенно в кризис, а также параллельного развития двух секторов – частного и государственного [7. С. 60; 16. С. 93, 166].

В качестве альтернативы упоминался план предшественника А.Б. Чубайса на посту главы Госкомимущества России М.Д. Малюка, рассчитанный на 15 лет и постепенную трансформацию, предполагавший задачу гражданам именованных приватизационных чеков и исключавший их свободную продажу, в дальнейшем на них предполагалось приобрести акции приватизируемых предприятий [17. С. 166–167]. Это была бы попытка создать своего рода народный капитализм, в рамках которого большинство населения становилось бы заинтересованными собственниками, что явно больше отвечает принципам демократии, движение к которой декларируют апологеты либерализма в рамках теории транзита, но такую трансформацию больше и сложнее осуществить на практике.

Одна из причин попыток активных рецепций западных идей при отсутствии должного критического осмысления – недостаточное понимание национальных особенностей. Отмечая их важность, В.Д. Попов использует понятие «закон ментальной идентичности», отражающее существенные связи между менталитетом народа и содержанием реформ, их несоответствие неизбежно приводит к негативным последствиям любых начинаний [19. С. 128–132]. На рубеже 1990–2000 гг. в отечественном общественном сознании наметились попытки выдвижения оригинальных концепций, позволяющих лучше понять суть трансформационных процессов в России, в том числе в экономике. Объясняли они место и роль в ней государства. Так, О.Э. Бессонова предложила теорию раздатка, не связанную с рыночной реальностью, на ее доминанте развивалась экономика нашей страны [20. С. 4–6]. С.Г. Кирдина обращается к понятию «институциональная матрица», которая выражается в своеобразной системе институтов каждого общества, и именно она определяет вектор возможных траекторий его развития. Игнорирование этих особенностей неизбежно грозит провалом преобразований [21. С. 66–67, 287–290].

Понятно, что реформаторы начала 1990-х гг. не могли использовать подобные новеллы, так как те появились позднее, однако политэкономия, предлагавшая комплексный подход к изучению экономических процессов, они должны были изучать. Игнорирование последней, по-видимому, было связано с ее тесной ассоциацией с социалистической системой, вызывавшей у них резкое неприятие. Свою роль сыграла и дискредитация в массовом сознании прежних научных достижений [21. С. 288]. Отсюда технократический подход и выбор эконометрических показателей при планировании и проведении реформ в отрыве от социального фактора [22. С. 17–19]. Другая причина – нехватка управленческого опыта, в том числе производственного, который мог бы компенсировать недостаток теоретической базы. В этом оппоненты не без оснований упрекали Е.Т. Гайдара, называя его кабинетным ученым.

Избранный курс вызывал рост недовольства населения, сужал базу для поддержки преобразований внутри страны, тем самым российские власти ставили себя в сильную зависимость от «западных партнеров». Условия последних формулировались в рамках принципа «большой сделки»: сначала – реформы, потом – массивная прямая помощь [23. С. 36]. По словам В.В. Костикова (с мая 1992 г. пресс-секретаря Президента), Россия тогда еще пребывала в состоянии эйфории относительно перспектив и эффективности международной и прежде всего американской помощи реформам. И сам Б.Н. Ельцин, и в МИДе, возглавляемом А.В. Козыревым, переоценивали желание США прийти на помощь недавнему врагу. Американцы же умело подпитывали эти надежды на уровне пропаганды, но при этом не шли на сколь-нибудь серьезные уступки в области экономики и торговли [24. С. 70]. Последующие годы показали, что США так и не отменили поправку Джексона–Вэника (действовала в 1974–2012 гг. с заменой на «Акт Магницкого»), не сократили военные расходы, не предоставили доступа к современным технологиям (сохраняя режим КОКОМ на передачу военных и технологий двойного назначения), происходило расширение и движение НАТО на Восток и т.д. Запад решал свои задачи, прежде всего связанные с обеспечением собственной безопасности, для чего было важно не допустить «коммунистического реванша» и сохранить контроль над ядерным арсеналом России, а также освоением рынков постсоветских государств. Именно в эти годы на Западе формировалось отношение к нашей стране, исключаяющее ее восприятие как равной.

Слом системы, к которому шли Б.Н. Ельцин и его окружение, произошел после поражения ГКЧП в августе 1991 г. и вызвал побочный эффект – расхождение в рядах так называемых демократов. Как отмечает член образованной на I СЗД Конституционной комиссии В.Л. Шейнис, представляющий ее либеральное ядро, уже на рубеже 1991–1992 гг. в демократическом движении обозначился идейный разлом. Этот процесс напрямую затронул движение «Демократическая Россия», поддерживавшее Б.Н. Ельцина еще на выборах народных депутатов РСФСР весной 1990 г. С одной стороны, уходили «государственники», не согласные с поддержкой руководством «Демократической России» подписания Беловежских соглашений, а также отсутствием адекватной реакции на ущемление прав русских в Прибалтике и бесплатной раздачей государственной собственности [25. Т. 1. С. 681]. С другой – выступали идеологи и «прорабы перестройки», критиковавшие Б.Н. Ельцина и его окружение за проявления авторитаризма и сворачивание демократических процедур, растущий разрыв между властью и обществом, союз с советской номенклатурой и негативные результаты реформ команды Е.Т. Гайдара [25. Т. 1. С. 682–685].

Законодательный запрет деятельности коммунистических партий, КПСС и КП РСФСР, введенный после выступления ГКЧП, не коснулся их парламентского представительства в лице фракции «Коммунисты России» и привел к образованию новых партий и движений, в том числе и левого толка [25. Т. 1. С. 687–688].

В начале года активизировались державно-патриотические силы. Накануне VI СНД они создали оппозиционный парламентский блок «Российское единство», во главе которого стали народные депутаты С.Н. Бабурин, В.Б. Исаков и Н.А. Павлов. К ним прикнудил и вице-президент А.В. Ручкой, в феврале 1992 г. публично обозначивший свой переход в оппозицию [25. Т. 1. С. 690–695]. Уже в начале года наметился союз коммунистов и национально-патриотических сил, в октябре оформившийся организационно во Фронт национального спасения (ФНС).

Уменьшение поддержки официального курса заставило одного из идеологов «демократов» Г.Х. Попова признать, что последние не справляются со своими обязанностями. Более того, при отсутствии рынка и нормальных экономико-политических механизмов, по его мнению, было никак не обойтись без командно-административной системы «нового, переходного типа» [26]. Таким образом, сторонники либерального курса, видя, что эксперимент пробуксовывает, были готовы прибегнуть к методам управления, за которые клеймили власть в СССР и называли ее «тоталитарной». Подобный подход противоречил принципу разделения властей, провозглашенному еще в принятой на I СНД Декларации о государственном суверенитете России.

На фоне негативных результатов экономических реформ на VI СНД (6–21 апреля 1992 г.) произошло столкновение сторонников и противников «шоковой терапии», которое едва не привело к отставке Е.Т. Гайдара. Р.И. Хасбулатов, занимавший тогда пост Председателя Верховного Совета, позднее отмечал, что, начиная с марта 1992 г., он неоднократно просил Б.Н. Ельцина сменить Правительство и проводимый им курс, и подчеркивал, что с весны 1992 г. «главный политический центр стал плавно смещаться из Кремля в Белый дом» [27. Т. 6. С. 977–978]. Этот вывод имел под собой основания. Данные, подготовленные аналитической группой депутата А.А. Собянина, показали, что по сравнению с III СНД, парламентская поддержка Президента, Правительства и курса реформ сильно снизилась. Численность их сторонников сократилась вдвое, тогда как противников и колеблющихся – заметно выросла. При этом в поддержку советского и социалистического выбора высказывалось меньшинство. Как справедливо отметил В.Л. Шейнис, противостояние от символов переместилось к реалиям [25. Т. 2. С. 52–53]. С этого времени происходит трансформация оценок Съезда со стороны сторонников радикальных либеральных преобразований: из «демократического», выступившего в их поддержку в октябре 1991 г., он превращается в «консервативный» к апрелю 1992 г. [28. С. 418]. Таким образом, уже в начале рассматриваемого периода отчетливо проявился процесс поляризации сил.

Политические трансформации и появление новых партий и движений на рубеже 1991–1992 гг. нашли свое отражение в конституционном творчестве. Накануне VI СНД появился целый ряд альтернативных проектов Основного закона. Свои варианты предложили Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП, текст подготовлен под руководством члена

Конституционной комиссии народного депутата Ю.М. Слободкина); депутатские фракции «Аграрный союз», «Отчизна» и «Коммунисты России»; депутатская фракция «Смена – Новая политика» и др. Однако максимум, на что могли рассчитывать представители оппозиции в отношении своих проектов, это внесение отдельных наиболее удачных, на взгляд авторов официального текста, статей в итоговую редакцию.

По меткому замечанию члена Конституционной комиссии Л.Б. Волкова, в начале 1992 г. радикальный либерализм вышел и на конституционную сцену [27. Т. 5. С. 55]. Это выразилось в появлении двух альтернативных либеральных текстов Основного закона. Один подготовила группа во главе с С.М. Шахраем, своими создателями он был назван «Проект “0”», а в СМИ – «президентский». Другой разработали С.С. Алексеев и А.А. Собчак, возглавлявшие тогда Российское движение демократических реформ (РДДР) и выступавшие от его имени. Несмотря на разницу в подходах авторов, общим местом в обоих текстах были широкие полномочия Президента и десоветизация, курс на которую начал реализовываться еще со второй половины 1990 г. С.Н. Шахрай в общении с депутатами называл свой текст «версией президентских поправок к проекту Конституционной комиссии», членом которой в тот момент он являлся [29], однако в служебной записке на имя Б.Н. Ельцина указывал, что главы о Парламенте и Президенте в него включить как альтернативу не удастся, отмечая, что это невозможно практически и вредно политически [30]. О.Г. Румянцев позднее заявил, что Конституционной комиссии с самого начала оппонировали представители левых сил, а также «некоторых национальных регионов», но в 1992 г. появился новый фактор – «давление с демократического фланга» [31. С. 167]. Таким образом, расслоение в рядах либералов отразилось и на конституционном поле. Более того, уже в начале года в окружении Б.Н. Ельцина складывалась группа советников, настаивавших на нецелесообразности компромисса с Парламентом в вопросе распределения с ним властных полномочий.

Накануне VI СНД проводились активные консультации с зарубежными экспертами в области конституционного права. По инициативе российского МИДа О.Г. Румянцев написал письмо на имя генсека Совета Европы К. Лаломьер с просьбой подготовить письменное заключение о проекте новой Конституции России. Помимо практической пользы, поддержка со стороны ЕС подняла бы ее международный авторитет [27. Т. 3, ч. 3. С. 967], что было важно для молодой постсоветской республики, а также добавила бы вес в глазах депутатов, поскольку О.Г. Румянцев надеялся на принятие нового Основного закона на предстоящем Съезде [27. Т. 3, ч. 3. С. 970].

Венецианская комиссия подготовила соответствующий доклад. Не будем подробно анализировать все рекомендации, отметим лишь две из них. Первая касается статьи, устанавливающей приоритет международных договоров над национальными законами. Это положение было воспринято европейцами положительно, в докладе даже рекомендовалось четче отразить его в Конституции, иначе «проблема останется

полностью открытой и бросит тень неопределенности на способность России соблюдать международное право, что может повлиять на ее отношения с другими государствами и статус в международном сообществе» [27. Т. 3, ч. 3. С. 974]. Напомним, что ранее, еще в 1990 г., американские эксперты по этому поводу советовали противоположное, предлагая смягчить формулировку и не устанавливать обязательный характер норм, а лишь подчеркнуть в тексте необходимость принятия их во внимание, аргументируя это тем, что международное право пока находится в стадии развития [27. Т. 1. С. 914]. Очевидно, что в этом проявлялся большой консерватизм американцев и их избирательность в применении на своей территории международных норм. ЕС же в данный период рассматривал возможности расширения своего пространства за счет стран бывшего соцлагеря.

Второй комментарий касался дисбаланса в системе разделения властей. Согласно заключению европейских экспертов, предложенный в проекте Основного закона Конституционной комиссии вариант являлся смешанным и не соответствовал ни французскому, ни американскому. Исходя из опыта делался вывод, что он вряд ли будет работать. В частности, отмечалось отсутствие у Президента возможности распустить Парламент, тогда как депутаты могли отправить его в отставку [27. Т. 3, ч. 3. С. 980]. На нарушение баланса властей указывал и французский профессор Лесаж во время проходившего 23 марта в Москве семинара [27. Т. 3, ч. 3. С. 1009–1010]. Однако, по словам члена Конституционной комиссии В.Л. Шейниса, в данном случае существовали политические ограничения, так как подобное нововведение не могло получить одобрения в действовавшем Парламенте [27. Т. 3, ч. 3. С. 1052].

Отметим также тот факт, что в «Проекте “0”» отсутствовало упоминание вице-президента, тогда как в тексте Конституционной комиссии оно оставалось. По словам С.М. Шахрая, он с самого начала, еще на этапе разработки закона о выборах Президента, отговаривал Б.Н. Ельцина от этой идеи, предупреждая о потенциальной угрозе конфликта и двоевластия [32. С. 28]. А к моменту подготовки «Проекта “0”» А.В. Руцкой уже перешел в оппозицию. В более широком контексте это означало дрейф к традиционной для России конфигурации власти во главе с одним лидером. Очевидно, в конституционном творчестве, как и в экономике, попытки экспериментов с зарубежным опытом на российской почве наталкивались на ограничения.

21 апреля в действовавший Основной закон были внесены поправки, отражавшие новые реалии. Часть из них была вызвана превращением республики в независимое государство, в частности введение нового названия страны – «Российская Федерация – Россия», уход от слов «советский» и «социалистический», убраны нормы, касающиеся нахождения России в составе СССР. Другие фиксировали изменения в государственном устройстве, продолжая курс на рецепцию западного опыта и стремление интегрироваться в сообщество «демократических» государств. Так, было закреплено разделение властей, добавлены три части Федеративного договора (ФД), а также полностью

заменено содержание раздела II «Государство и личность», в основу главы 5 которой была положена принятая осенью 1991 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, была возвышена и уточнена роль Конституционного Суда (КС), который стал называться высшим органом судебной власти по защите конституционного строя [33. С. 115–117]. Последнее являлось частью масштабной судебной реформы, призванной на ценностном, правовом и административном уровнях утвердить независимость судебного корпуса, и вписывалось в общий тренд демократизации политического режима в начале 1990-х гг. Подробнее о новой роли и месте КС в структуре государственной власти речь пойдет в статье, посвященной событиям 1993 г.

Решение VI СНД «одобрить общую концепцию конституционных реформ в России, положенную в основу проекта Конституции», а также учесть положения проекта Верховного Совета и поправки Президента было компромиссным. Однако подчеркнутое Съездом разделение поправок на парламентские и президентские [27. Т. 3, ч. 1. С. 954] свидетельствовало о росте противоречий. Таким образом, уже в начале 1992 г. отчетливо проступали контуры «кризиса двоевластия», проявившиеся в полной мере к его окончанию.

Уже весной стало понятно, что монетаристские эксперименты младореформаторов себя не оправдали. Это признавали и на Западе, призывая прислушаться к альтернативным предложениям главы «Гражданского союза» А.И. Вольского, подчеркивавшего важность направляющей роли Правительства при переходе к рынку [23. С. 66–67]. В конце мая – начале июня кабинет министров пополнился тремя новыми членами, занявшими должности заместителей его главы. В.С. Черномырдин, В. Шумейко и Г.С. Хижа представляли интересы промышленных кругов и были призваны обеспечить с их стороны поддержку и, соответственно, расширение социальной базы реформ. Страна стояла на пороге приватизации, стартовавшей в августе 1992 г., в том числе и поэтому стабилизация и предсказуемость были необходимы ее потенциальным участникам, как внутренним, так и зарубежным. Кроме того, острая критика реформ негативно влияла на авторитет Б.Н. Ельцина и побудила его отказаться от поста Председателя Правительства РФ: 16 июня исполняющим его обязанности был назначен Е.Т. Гайдар.

В складывавшейся расстановке сил для российского лидера вопрос принятия новой Конституции приобретал большую актуальность. Президенту становилось все сложнее проводить выбранный курс посредством внесения поправок в действовавший Основной закон. Парламент же подобный подход вполне устраивал, так как он обладал для этого всеми необходимыми возможностями. На этом фоне летом 1992 г. Б.Н. Ельцин заявил о возвращении к работе Конституционной комиссии, признал ошибочность временного отхода от руководства ею. Пленарное заседание 29 июля впервые состоялось в Овальном зале Кремля, что должно было создать определенный демонстрационный эффект единства в работе над Основным

законом. Продолжая линию на закрепление в его тексте за собой широких полномочий, Б.Н. Ельцин поставил на заседании вопрос о поправках, усиливающих полномочия Президента [31. С. 174]. В сложившихся условиях Б.Н. Ельцин был вынужден маневрировать и искать компромисс, к тому же скорейшая трансформация политической системы позволила бы его команде продолжить выбранный курс преобразований в стране. Для этого требовалось как можно быстрее принять новую Конституцию, в которой бы не было всевластного Съезда и Советов, но закреплялись широкие полномочия Президента и его контроль над Правительством. Важным шагом должны были стать и выборы в новый Парламент: часть окружения Б.Н. Ельцина надеялась, что он будет лояльнее ему, нежели действующий. По-видимому, наиболее коротким путем в тот момент представлялись корректировка и принятие проекта Конституционной комиссии, к тому времени получившего статус официального и являвшегося по большинству позиций наиболее сбалансированным.

Однако конец года был отмечен новым обострением в борьбе за власть. Катастрофически упал уровень жизни населения и деградировала экономика страны [23. С. 71; 28. С. 454]. В качестве ощутимых положительных результатов преобразований предъявить гражданам и депутатам было нечего. Обещанного Б.Н. Ельциным эффекта от экономических реформ, который население должно было почувствовать к осени 1992 г., не наблюдалось. К тому же 1 декабря истекал год, на время которого Съезд предоставил ему чрезвычайные полномочия осенью 1991 г. Еще одной причиной активизации депутатов стало фактическое отстранение Парламента от влияния на деятельность Правительства. Как отмечает один из лидеров оппозиции В.Б. Исаков, предоставляя широкие полномочия Б.Н. Ельцину, народные избранники не выслушали аргументы и не разобрались, а теперь пытались отыграть назад, но это у них не получалось [34. С. 78–79]. По словам О.Г. Румянцева, призывая Съезд предоставить Президенту указанные полномочия осенью 1991 г., С.М. Шахрай подчеркивал, что они будут реализовываться под контролем Парламента, однако на практике ситуация оказалась иной [29]. В итоге в конце года депутаты пошли в наступление.

VII Снд (1–14 декабря) отказался продлить чрезвычайные полномочия Б.Н. Ельцина, а также 9 декабря принял ряд поправок в Конституцию, существенно усиливающих позиции Парламента. Президенту вменялось в обязанность представлять Верховному Совету предложения о структуре органов исполнительной власти, при этом само Правительство снова становилось подотчетно не только Президенту, но Съезду и Верховному Совету. Последний также установил для себя право назначать председателя Центрального банка России, давать согласие на назначение министров иностранных дел, обороны, безопасности и внутренних дел. Он получал право приостанавливать действие указов и распоряжений Президента до решения об их конституционности в случае своего обращения в КС. С целью избавления от «исполнительного лобби» вводился запрет на совмещение депутатской дея-

тельности с работой в структурах исполнительной власти. Кроме того, были усилены позиции Верховного Совета как постоянно действующего федерального органа и центра системы представительных органов в республике. Внесение в Основной закон этих изменений означало закрепление Съезда и Верховного Совета на вершине пирамиды власти [33. С. 119–120]. Наконец, была внесена поправка, устанавливающая, что полномочия Президента прекращаются немедленно в случае попытки использовать их для роспуска или приостановления деятельности законно избранных органов власти [27. Т. 3, ч. 2. С. 771].

В ответ на действия народных избранников 10 декабря Б.Н. Ельцин обратился к народу с призывом определиться, кому он поручает вывод страны из кризиса – Парламенту или Президенту. Итогом переговоров сторон стало принятие Съездом 12 декабря постановления «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации» (неофициальное название – «Соглашение 12 декабря»), предписывающее Верховному Совету не принимать до проведения плебисцита поправки, нарушающие сложившийся баланс властей. Кроме того, на 11 апреля 1993 г. был назначен референдум по основным положениям Конституции РФ. Достигнутый хрупкий компромисс позволял лишь взять паузу перед новым витком конфронтации.

Несмотря на старания младореформаторов, Запад во главе с США так и не предоставил стране ощутимой финансовой поддержки, вызвав с их стороны резкие оценки, а также рост антиамериканских настроений населения к концу года. Из широко разрекламированного пакета в 24 млрд долл. в 1992 г. Россия получила и могла реально использовать лишь 1,1 млрд долл., из которых 500 тыс. долл. были в виде гуманитарной помощи [23. С. 70]. Американский экономист Дж. Сакс, с декабря 1991 г. являвшийся советником российского Правительства, назвал подобную помощь «политическим жульничеством» [23. С. 72]. Зарубежные экономисты по прошествии времени отмечают, что помимо декларируемых целей – создание рыночной экономики, улучшение условий жизни граждан и пр. – были и скрытые, одной из которых являлось создание в будущем в нашей стране экономической системы, отвечающей интересам политиков на Западе [35. С. 123–124]. Главные же противоречия преобразований лежали не в идеологической, социальной или методологической плоскости, а были вызваны стремлением нарождавшихся элит получить свою долю собственности [35. С. 175–177].

Западные консультанты не пренебрегали возможностью извлечь выгоду для себя из сложившейся ситуации. Так, по словам Дж. Сакса, один из его коллег, профессор Гарвардского университета Андрей Шлейфер, имея контракт с американским Правительством на консультирование по приватизации российского руководства, в нарушение профессиональной этики осуществлял личные инвестиции в экономику нашей страны [36. С. 175]. Отставка Е.Т. Гайдара и назначение в декабре 1992 г. В.С. Черномырдина премьер-министром воспринимались зарубежными советниками как поражение радикальных реформ и возврат к централизованному планированию [23. С. 72]. Факти-

чески же эта рокировка ставила во главе Правительства человека с управленческим опытом в промышленности, переводила преобразования в более спокойное русло, позволявшее снизить социальное напряжение и учитывать специфику страны и текущего момента.

Одной из характерных черт второго этапа стало распространение «указного права», ставшего следствием делегированных Президенту на V СНД широких полномочий. Реформаторы стали действовать в обход законодателя, иницируя беспрерывный поток указов. Происходила подмена последними законов, а в ряде случаев они были поставлены даже выше Конституции. Одним из наиболее ярких примеров стала ситуация с законом о приватизации от 1991 г., который предписывал получение гражданами именных приватизационных чеков, а указ Президента от 14 августа 1992 г. заменил их ваучерами на предъявителя [37. С. 4–6].

Однако линия на присвоение Б.Н. Ельциным себе дискреционных полномочий в области приватизации не была единственной. Проявлялась она и в сфере политики и государственного устройства: после выступления ГКЧП серией указов была запрещена на территории России деятельность компартии, а также предписано объединение министерств безопасности и внутренних дел. «Указное право» не было изобретением Б.Н. Ельцина, а является традиционным для нашей страны и использовалось еще Иваном Грозным, Петром I, Екатериной II и др., а в новейшее время – В.В. Путиным [38]. Развитие подобного феномена входило в противоречие с провозглашенным российскими властями принципом разделения властей. Признание же в 1992 г. КС неконституционными положений упомянутых выше указов Президента способствовало росту конфликтного потенциала судебной и исполнительной властей, в полной мере проявившегося в 1993 г.

По-прежнему велись дискуссии по поводу пути конституционной реформы: принимать новый Основной закон или продолжать вносить поправки в действовавший. Несмотря на растущую заинтересованность Б.Н. Ельцина в новой Конституции, даже среди либералов и его ближайших соратников не было единства по этому вопросу. Так, А.А. Собчак, предложивший в начале года свой вариант Основного закона, уже в ноябре говорил о невозможности принятия полноценного проекта и предлагал ограничиться временным законом о разграничении полномочий представительных и исполнительных структур власти [27. Т. 3, ч. 2. С. 34–35].

Одни из его наиболее активных участников костяка Конституционной комиссии – Л.Б. Волков и В.Л. Шейнис – призывали не торопиться и высказывались в поддержку принятия отдельных конституционных законов и деклараций вместо цельного текста, который тогда было сложно провести через Парламент [27. Т. 3, ч. 2. С. 1008–1009, 1056]. Более того, Л.Б. Волков предлагал принять два Основных закона, один как идеологический ориентир, на века, с отсроченным вступлением в силу, второй – в виде переходных положений на 3–5 лет, который «можно будет

менять по ходу развития нового проекта» [27. Т. 3, ч. 2. С. 1009–1010]. Отметим, что подобный подход отвечал бы интересам радикальных реформаторов, ожидавших, что с первыми успехами преобразований будет проще решить в свою пользу вопрос о власти.

Подобные воззрения коллег Комиссии контрастировали со взглядами ее неформального лидера О.Г. Румянцева, последовательно настаивавшего на необходимости принятия полноценного нового Основного закона. Все это лишний раз свидетельствовало о нарастающем расколе и невозможности принятия документа, который устраивал бы главные политические силы и способствовал бы консолидации общества. В итоге VII СНД постановил продолжить работу над проектом Конституционной комиссии. Верховному Совету поручалось завершить постатейное рассмотрение доработанного текста в феврале-марте 1993 г., после чего его следовало внести на рассмотрение Съезда, который планировалось специально посвятить теме нового Основного закона.

По мере нарастания кризиса все менее актуальной становилась позиция костяка Конституционной комиссии, который предлагал опираться на классический для либеральной теории баланс властей. Так, в ноябре Верховный Совет отказался объединить усилия с Комиссией, не пожелав подключить ее к работе над поправками в действовавший Основной закон [31. С. 190]. Имея собственное мнение по поводу ключевых вопросов, ответственный секретарь Конституционной комиссии и его коллеги не обладали достаточным политическим весом для их имплементации. Однако их наработки были востребованы обеими сторонами конфликта. Верховный Совет вносил правки в текст Комиссии, а «Проект “0”» С.М. Шахрая, хотя и был оформлен как самостоятельный, содержал многочисленные заимствования из разработанного ею варианта: как показал анализ экспертов, они касались порядка 70% статей [27. Т. 5. С. 821]. Кроме того, назначение 14 декабря 1992 г. лояльного Б.Н. Ельцину Н.Т. Рябова вторым заместителем председателя Конституционной комиссии (напомним, до этого первым и единственным был Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов), наглядно демонстрировало, что она всерьез рассматривается ключевыми акторами не только как значимая площадка для работы над Конституцией, но и для политической борьбы.

По-прежнему оставалась сложной ситуация во взаимоотношениях Центра и регионов: продолжилось противостояние двух принципиально разных подходов к формированию федерации – конституционной и договорной. Сторонниками первого выступали центральные власти и Конституционная комиссия, второго – региональные элиты. Знаковым моментом стало состоявшееся 31 марта подписание ФД с последующим его одобрением на VI СНД и включением в текст Конституции 1978 г. в качестве ее составной части. В его основу было заложено национально-государственное, национально-территориальное и административно-территориальное устройство. Документ был разделен на три части по количеству видов субъектов. Как отмечает депутат Верховного Со-

вета того времени В.Б. Исаков, заключение ФД явилось свидетельством дублирования конституционного процесса и его разделения на «конституционную» и «договорную» части [27. Т. 6. С. 803]. Причины подобной двойственности заключались в поиске компромиссов с региональными элитами, почувствовавшими вкус к сепаратизму и добивавшимися расширения своих полномочий. Однако ни подготовка документа, ни даже его принятие не остановили эти процессы. Так, Татарстан, выступивший в роли застрельщика в «параде суверенитетов» (Верховный Совет республики принял соответствующую декларацию еще 30 августа 1990 г.), и Чечено-Ингушетия отказались подписать ФД. Они требовали для себя отдельные соглашения и приняли Конституции, противоречившие Основному Закону России. Некоторые из тех, кто завизировал документ, также принимали Конституцию (Якутия) или поправки к действующей (Башкортостан), которые шли вразрез с российским законодательством [31. С. 141]. Российское руководство получило ситуацию зеркальную той, что была в 1990–1991 гг., когда Б.Н. Ельцин и его команда в борьбе за власть с союзным Центром противопоставляли себя ему и стремились принять в республике новый Основной закон раньше, чем тот будет разработан для СССР.

Как и в предыдущем периоде, федеративный вопрос был тесно связан с борьбой за власть. В отличие от 1990–1991 гг., когда имело место противостояние между российским и союзным лидерами, на этот раз оно разворачивалась между Президентом и Парламентом. Обе стороны заигрывали с региональными элитами и потворствовали росту appetitов последних. Так, Председатель Верховного Совета Башкортостана М.Г. Рахимов на встрече глав республик с Б.Н. Ельциным в октябре 1992 г. выразил пожелание о предоставлении регионам больших прав, чем было закреплено в ФД. Эта инициатива нашла поддержку у российского лидера. Тогда же был образован Совет глав республик во главе с Президентом РФ, который должен был содействовать выработке принципов реализации ФД на основе новой Конституции [31. С. 132]. И хотя в декабре обсуждение вопроса приведения конституционной реформы в республиках в соответствие с законодательством России было вынесено на обсуждение Верховного Совета, никаких принципиальных решений принято не было, и проблема перешла на следующий год [31. С. 143–146].

Нельзя не отметить определенную деструктивную роль «западных партнеров» в росте сепаратизма республик. Пусть она и не стала решающей, но, безусловно, добавляла нервозность в и без того напряженную атмосферу. Уже в начале 1992 г. делегация Татарстана присутствовала в Совете Европы. При этом Венецианская комиссия (консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы), представители которой на уровне экспертов принимали участие в обсуждении конституционной реформы в РФ и консультировали своих российских коллег, нашли обоснование независимости и сувере-

нитету Казани, ссылаясь на международные нормы [32. С. 197].

Подводя итоги второго этапа становления российского конституционализма в новейшее время, следует отметить, что раскол, наличие которого члены Конституционной комиссии констатировали еще летом 1990 г., усиливался в течение 1992 г. и к его окончанию оформился в кризис двоевластия. Требования Кремля и Белого дома становились взаимоисключающими, а видимые компромиссы все больше напоминали передышку перед грядущими столкновениями. Основной закон (новый или отредактированный действовавший) все отчетливее превращался в инструмент борьбы за власть, нежели документ, призванный объединить общество.

Важнейшим итогом данного периода стал провал попытки импорта зарубежных моделей, причем как в экономике, так и в конституционном строительстве. Избавившись, как тогда казалось многим в российском руководстве, от диктата союзного Центра и получив возможность реализовать новые идеи, их инициаторы столкнулись с тем, что те не работают на практике. Этому сопутствовало разочарование в Западе, появившееся в обществе и во власти. Неудачу эксперимента с радикальными экономическими реформами по рецептам МВФ признавали даже их убежденные сторонники в России и за рубежом. Закон ментальной идентичности показал себя в действительности. В.Д. Попов справедливо отмечает, что гайдаровские реформы игнорировали народные архетипы [19. С. 62]. В погоне за макроэкономическими показателями технократы потеряли человека. Это шло вразрез с декларируемым ими стремлением к разрыву с «тоталитарным» прошлым и движением к демократии, приоритетом прав человека и пр.

На конституционном поле показала свою несостоятельность классическая либеральная модель, предполагавшая в числе прочего разделение властей. Сегодня участники работы над проектом Основного закона страны в качестве одной из причин этого называют ее неактуальность уже к моменту проведения реформ. Об этом, в частности, говорят член Конституционной комиссии В.Д. Мазаев и ее эксперт Ю.А. Тихомиров [10]. Можно дискутировать по поводу причин фиаско выбранной конструкции, но факт остается фактом. На вопрос о том, когда же именно в новейшей российской истории проявилась принципиальная непригодность западных моделей – политической, экономической и конституционализма, можно уверенно ответить: достаточно быстро – в 1992 г., т.е. в первый же год после обретения Россией статуса независимого государства. К его окончанию стало понятно, что в соответствии с многовековыми традициями нашей страны остаться на вершине пирамиды власти, а значит, взять на себя ответственность за вывод страны из кризиса должна какая-то одна сила – Президент и его команда или Парламент во главе со спикером, а продолжение противостояния угрожает существованию государства. Ответ на вопрос, кто это будет, дал следующий 1993 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оффе К. Культурные аспекты консолидации: заметки об особенностях посткоммунистической трансформации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 1 (22). С. 9–13.
2. Elster J., Offe C., Preuss U. Institutional Design in Post Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea. New York : Cambridge UP, 1998. 364 p.
3. Мельвил А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность : хрестоматия / отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М. : МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. С. 337–368.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2014. 571 с.
5. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 636 с.
6. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М. : Российская политическая энциклопедия; РОССПЭН, 1999. 320 с.
7. Вольский А.И. «Жила-была страна родная и нету других забот...» (Избранные доклады и выступления). М. : ООО «Промиздатцентр» 2002. 408 с.
8. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М. : АИРО-XX, 2001. 304 с.
9. Къеза Д. «Прощай, Россия!». М. : Гея, 1998. 272 с.
10. Стенограмма юбилейного заседаний Конституционного клуба 6 декабря 2018 г. // Конституционный вестник. 2019. № 4 (22). С. 19–88.
11. Нуссбергер А. Конституционная шоковая терапия в России // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 64–77.
12. Станских С.Н. Учреждение Конституционной комиссии // Конституционный вестник. 2010. № 2 (20). С. 110–143.
13. Ельцин Б. Записки президента. М. : Синдбад, 2015. 496 с.
14. Гайдар Е. Дни поражений и побед. М. : Альпина Паблишер, 2014. 400 с.
15. Приватизация по-русски / под ред. А.Б. Чубайса. М. : ВАГРИУС, 2000. 368 с.
16. Полозков С. Приватизация по Чубайсу. Ваучерная афера. Расстрел парламента. М. : Книжный мир, 2014. 320 с.
17. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М. : Эксмо; Алгоритм, 2012. 509 с.
18. Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и в новых независимых государствах // Конституционное Право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 2 (27). С. 14–21.
19. Попов В.Д. Социальный психоанализ в России: проблемы и перспективы. М. : СПА-Консалтинг, 1997. 176 с.
20. Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 150 с.
21. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. СПб. : Нестор-История, 2014. 468 с.
22. Бунин А. Осень олигархов. История приватизации и будущее России. М. : Яуза; Эксмо, 2005. 448 с.
23. Шенин С.Ю. Возвращение в Россию. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2008. 384 с.
24. Костиков В.В. Роман с президентом. М. : Вагриус, 1997. 351 с.
25. Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: в 2 т. М. : Моск. центр Карнеги; ФОНД ИНДЕМ, 2005.
26. Создано Российское движение демократических реформ // Коммерсантъ. 1992. № 108. 24 февраля.
27. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцев. М. : Волтерс Клувер; Фонд конституционных реформ, 2007–2010.
28. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938–2002. М. : Аспект Пресс, 2003. 540 с.
29. Интервью с О.Г. Румянцевым. М. Сентябрь 2018 г. // Личный архив автора.
30. Службная записка С.М. Шахрая на имя Б.Н. Ельцина от 05.04.1992 // Открытая экспозиция в Ельцин-центре.
31. Румянцев О.Г. Конституция девяносто третьего. История явления. М. : Издательство РФ, 2018. 400 с.
32. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. М. : Красная Звезда, 2013. 320 с.
33. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : РЮИД; «Сашко», 2000. 528 с.
34. Исаков В.Б. Госпереворот. Парламентские дневники. 1992–1993. Екатеринбург : ИПП «Уральский рабочий», 1997. 478 с.
35. Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М. : Логос, 2011. 720 с.
36. Сакс Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 424 с.
37. Лучин О.В. «Указное право» в России. М. : ХГЦ «Велес», 1996. 62 с.
38. Лукьянова Е.А. Указное право // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 55–67.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 29 июня 2020 г.

The Development of a New Russian Constitutionalism: Issues and Options in 1992

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 104–114.

DOI: 10.17223/15617793/456/12

Andrey D. Zhilkin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: andrey-efir@yandex.ru

Keywords: Constitution of Russia; Basic Law; Constitutional Commission; President of Russia; Parliament of Russia; Congress of People's Deputies; reforms.

There is no current conception of the general framework of the new Russia constitutionalism chronology of the early 1990s. The author proposes one. The article is devoted to the second period of establishing constitutionalism which covers year 1992. During the first one (June 1990 – December 1991) the republican leaders started the state-building of Russia and started the struggle for power with the central authorities in the USSR era. The third period (1993) was the crisis of the duality of power which occurred because of the conflict between the president's team and the parliament and its settlement. The author employs historical, comparative, and behavioral research approaches to examine the pace of the constitutional reform in 1992, and the main trends, events, and actors that influenced it. After the collapse of the USSR, Russian authorities could pursue an independent policy. The main actors were able to map out their own action without referring to the Soviet government. The economic reforms performed by Egor Gaidar became the key issue of this period, they made great influence on all spheres, including political and social ones. With this background, the author is trying to relate them to the constitutional process. This approach seems relevant because, as early as in 1990, during First Congress of People's Deputies of the RSFSR, politicians said the 1978 Soviet Constitution of Russia was based on the principles that prevented the conduct of an appropriate economic policy. It is remarkable that in this period both economic and constitutional transformations used western patterns. The question arises if this way was compatible with national traditions especially in the context of the constitutional reform announced by Russian President Vladimir Putin at the beginning of year 2020 and the contemporary trend of the na-

tionalization of law, economy, and establishment. This research shows that, by the end of the examined period, the irrelevance of imported ideas not only for economy, as stated by different authors, but also for the newly created Basic Law became obvious. This article is based on the published materials of the Constitutional Commission that worked in 1990–1993 and on interviews with its members. The author also uses memoirs of contemporaries of the examined events, research of Russian and foreign constitutionalists and economists on the Russian reforms of the early 1990s and the general-purpose analysis of the features of political, social, and economic transformations in different countries, including the late USSR and the post-Soviet Russia.

REFERENCES

1. Offe, C. (1998) Kul'turnye aspekty konsolidatsii: zametki ob osobennostyakh postkommunisticheskoy transformatsii [Cultural aspects of consolidation: notes on the features of post-communist transformation]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 1 (22). pp. 9–13.
2. Elster, J., Offe, C. & Preuss, U. (1998) *Institutional Design in Post Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea*. New York: Cambridge UP.
3. Mel'vil', A. Yu. (2000) Demokraticheskie tranzity, tranzitologicheskie teorii i postkommunisticheskaya Rossiya [Democratic Transits, Transitological Theories and Post-Communist Russia]. In: Voskresenskiy, A.D. (ed.) *Politicheskaya nauka v Rossii: intellektual'nyy poisk i real'nost': khrestomatiya* [Political Science in Russia: Intellectual Search and Reality: An Anthology]. Moscow: MONF; OOO "Izdatel'skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh programm". pp. 337–368.
4. Khantington, S. (2014) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Translated from English. Moscow: AST.
5. Said, E. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Translated from English. Saint Petersburg: Russkiy mir".
6. Pshevorskiy, A. (1999) *Demokratiya i rynek. Politicheskije i ekonomicheskie reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoj Amerike* [Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya; ROSSPEN.
7. Vol'skiy, A.I. (2002) "Zhila-byla strana rodnaya i netu drugikh zabor..." (Izbrannye doklady i vystupleniya) ["Once Upon a Time There Was a Native Country and There Were No Other Worries..."] (Selected Reports and Speeches). Moscow: OOO "Promizdatstsent".
8. Cohen, S. (2001) *Proval krestovogo pokhoda. SShA i tragediya postkommunisticheskoy Rossii* [Failed Crusade: America and the Tragedy of Post Communist Russia]. Translated from English. Moscow: AIRO-XX.
9. Chiesa, G (1998) "Proshchay, Rossiya!" ["Farewell, Russia!"]. Translated from English. Moscow: Geya.
10. *Konstitutsionnyy vestnik*. (2019) Stenogramma yubileynogo zasedaniya Konstitutsionnogo kluba 6 dekabrya 2018 g. [Transcript of the anniversary meeting of the Constitutional Club on December 6, 2018]. 4 (22). pp. 19–88.
11. Nussberger, A. (2008) Konstitutsionnaya shokovaya terapiya v Rossii [The constitutional shock therapy in Russia]. *Konstitutsionnyy vestnik*. 1 (19). pp. 64–77.
12. Stanskikh, S.N. (2010) Uchrezhdenie Konstitutsionnoy komissii [Establishment of the Constitutional Commission]. *Konstitutsionnyy vestnik*. 2 (20). pp. 110–143.
13. El'tsin, B. (2015) *Zapiski prezidenta* [Notes of the President]. Moscow: Sindbad.
14. Gaydar, E. (2014) *Dni porazheniy i pobed* [Days of Defeats and Victories]. Moscow: Al'pina Publisher.
15. Chubays, A.B. (ed.) (2000) *Privatizatsiya po-rossiyski* [Privatization: Russian Style]. Moscow: VAGRIUS.
16. Polozkov, S. (2014) *Privatizatsiya po Chubaysu. Vauchernaya aferu. Rasstrel parlamenta* [Privatization by Chubais. The Voucher Scam. The Shooting of Parliament]. Moscow: Knizhnyy mir.
17. Poltoranin, M.N. (2012) *Vlast' v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsarya Borisa* [Power in TNT equivalent. The legacy of Tsar Boris]. Moscow: Eksmo; Algoritm.
18. Sharlet, R. (1999) Pravovye transplantatsii i politicheskije mutatsii: retseptsiya konstitutsionnogo prava v Rossii i v novykh nezavisimykh gosudarstvakh [Legal transplantation and political mutations: the reception of constitutional law in Russia and in the New Independent States]. *Konstitutsionnoe Pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 2 (27). pp. 14–21.
19. Popov, V.D. (1997) *Sotsial'nyy psikhoanaliz v Rossii: problemy i perspektivy* [Social Psychoanalysis in Russia: Problems and Prospects]. Moscow: SPA-Konsalting.
20. Bessonova, O.E. (2015) *Rynok i razdatok v rossiyskoy matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [Market and Distribution in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
21. Kirdina, S.G. (2014) *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional Matrices and the Development of Russia. An Introduction to X-Y Theory]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
22. Bunich, A. (2005) *Osen' oligarkhov. Istoriya prikhvatizatsii i budushchee Rossii* [The Autumn of the Oligarchs. the History of Privatization and the Future of Russia]. Moscow: Yauza; Eksmo.
23. Shenin, S.Yu. (2008) *Vozvrashchenie v Rossiyu* [Return to Russia]. Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
24. Kostikov, V.V. (1997) *Roman s prezidentom* [An Affair with the President]. Moscow: Vagrius.
25. Sheynis, V.L. (2005) *Vzlet i padenie parlamenta: v 2 t.* [The Rise and Fall of Parliament: In 2 Volumes]. Moscow: Mosk. tsentr Karnegi; FOND INDEM.
26. *Kommersant*". (1992) Sozdano Rossiyskoe dvizhenie demokraticheskikh reform [The Russian Movement for Democratic Reforms has been created]. 108. 24 February.
27. Rummyantsev, O.G. (ed.) (2007–2010) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t.* [From the History of the Creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, Materials, Documents (1990–1993): In 6 Volumes]. Moscow: Volters Kluver; Fond konstitutsionnykh reform.
28. Barsenkov, A.S. & Vdovin, A.I. (2003) *Istoriya Rossii. 1938–2002* [The History of Russia. 1938–2002]. Moscow: Aspekt Press.
29. Author's Archive. (2018) *Interv'yu s O.G. Rummyantsevym* [Interview with O.G. Rummyantsev]. Moscow. September 2018.
30. Open Exhibition in the Yeltsin Center. (1992) *Sluzhebnyaya zapiska S.M. Shakhraya na imya B.N. El'tsina ot 05.04.1992* [Service note from S.M. Shakhrai addressed to B.N. Yeltsin of 05.04.1992].
31. Rummyantsev, O.G. (2018) *Konstitutsiya devyanosto tret'ego. Istoriya yavleniya* [The Constitution of '93. The History of the Phenomenon]. Moscow: Izdatel'stvo RG.
32. Shakhray, S.M. (2013) *Neizvestnaya Konstitutsiya. Constitutio incognita* [The Unknown Constitution. Constitutio incognita]. Moscow: Krasnaya Zvezda.
33. Avak'yan, S.A. (2000) *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity]. 2nd ed. Moscow: RYUID; "Sashko".
34. Isakov, V.B. (1997) *Gosperevorot. Parlamentskie dnevniki. 1992–1993* [The Coup. Parliamentary Diaries. 1992–1993]. Yekaterinburg: IPP "Ural'skiy rabochiy".

35. Aslund, A. (2011) *Stroitel'stvo kapitalizma. Rynochnaya transformatsiya stran byvshego sovetskogo bloka* [Building Capitalism: The Transformation of the Former Soviet Bloc]. Translated from English. Moscow: Logos.
36. Sachs, J. (2011) *Konets bednosti. Ekonomicheskie vozmozhnosti nashego vremeni* [The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time]. Translated from English. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
37. Luchin, O.V. (1996) "Ukaznoe pravo" v Rossii ["Rule by Decree" in Russia]. Moscow: KhGTs "Veles".
38. Luk'yanova, E.A. (2001) Ukaznoe pravo [Rule by decree]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10. pp. 55–67.

Received: 29 June 2020